

В. А. ЗАПАДОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

«Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) — одно из ярчайших доказательств вступления Г. Р. Державина на новый путь в поэзии. Известно, однако, что «Стихи» — второе произведение, посвященное Державиным великому князю Александру Павловичу, родившемуся в 1777 г. В объяснениях на свои стихотворения поэт указывал: «Сие аллегорическое сочинение относится ко дню рождения государя императора Александра Павловича, случившегося декабря 12 дня, в котором солнце оборачивается на весну. Хотя на тот случай была сочинена автором ода и в 1777 г., т. е. в самый год рождения его величества; но как в не соответственном дару автора вкусе, а в Ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным, то та ода в сочинениях его и не напечатана, а сия написана после, года три спустя...».¹

Вполне естественно возникает вопрос, была ли ода 1777 г. опубликована в свое время. В исследованиях о творчестве Державина можно найти только отрицательный ответ. Так, например, А. В. Западов писал: «Ода в свое время не увидела света, а два года спустя Державин ее забраковал <...> Мы не знаем, как выглядел первый вариант стихов, <...> написанный в 1777 г., он не сохранился».² Несколько иное освещение творческой истории «Стихов» 1779 г. содержится в работах Д. Д. Благого: «Державин начал было это стихотворение еще в 1777 г., причем стал писать его в обычной манере ломоносовской торжественной оды, взлетая „в вершины звезд“. Но вскоре он отказался от этого, уничтожил сделанное и два года спустя написал стихи совсем в другом роде».³

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. III. СПб., 1866, с. 712. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Гр.» и указанием тома и страниц.

² Западов А. В. Мастерство Державина. М., 1958, с. 34—35.

³ Благой Д. Д. Державин. М., 1944, с. 34—35; то же см.: История русской литературы, т. IV. М—Л., 1947, с. 391.

Предположения советских исследователей о судьбе оды 1777 г. опираются на комментарий Я. К. Грота к «Стихам на рождение в Севере»: «На это событие он тогда же сочинил оду в Ломоносовском вкусе; но, находя, что она не соответствует его собственному дарованию, он ее уничтожил и потом написал эти стихи». ⁴ Из следующей за этими словами ссылки видно, что они — пересказ соответствующего места «Объяснений» Державина, приведенного выше.

Но при сопоставлении державинских слов с их позднейшими интерпретациями нельзя не обратить внимания на существенное расхождение: поэт говорит о том, почему ода не включена в собрание его сочинений; исследователи же утверждают, что ода не только вообще не печаталась, но и была уничтожена автором.

Явное расхождение между словами Державина и их истолкованием у Грота заставило предпринять поиски. В рукописях поэта текста оды найти не удалось, но все же в примечаниях к второму изданию стихотворений Державина в Большой серии «Библиотеки поэта» я ограничился цитатой из «Объяснений», избегая всяких уточнений. ⁵ А когда книга была уже подписана к печати, я обнаружил прямое свидетельство о публикации оды: в одной из державинских рукописей 1800-х годов, недостаточно внимательно изученных Я. К. Гротом и позднейшими исследователями, находится указание, что «Ода на рождение ныне царствующего императора» 1777 г. «тогда ж была напечатана и утратилась». ⁶

Среди многих од на тот же случай у Сопикова указана одна анонимная (№ 7162), экземпляр которой имеется в ГПБ (начало: «В одежду светлу облекися»). Издание выпущено, по-видимому, типографией Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Однако анализ текста этой оды показал, что ее атрибутировать Державину трудно по причине полного отсутствия каких-либо точек соприкосновения с его творчеством. Тем не менее разыскания следовало продолжить, так как выяснилось, что еще в 1778 г. Г. Л. Х. Бакмейстер зарегистрировал появление не одной, а двух анонимных од на русском языке, посвященных Александру Павловичу. ⁷

Полученные таким образом данные взаимно дополняли друг друга. Бакмейстер указывал на существование анонимной оды, которая осталась неизвестной всем позднейшим библиографам начиная с Сопикова. Державин засвидетельствовал, что аналогичная ода была написана им и напечатана. Очевидно, Бакмейстер и Державин имели в виду одно и то же анонимное издание.

⁴ Сочинения Державина..., т. I, с. 82.

⁵ См.: Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 369.

⁶ ИРЛИ, Рукописный отдел, Архив Я. К. Грота, № 15 883 XCVIII б 2, л. 3.

⁷ Vasmeister H. L. Ch. — Russische Bibliothek, Bd V, 1778, S. 216—217.

Направление дальнейших поисков подсказывалось издательскими связями поэта: в 1770-х годах он обычно печатался в типографии Академии наук.

В Архиве Академии наук и были обнаружены сведения о второй анонимной оде на рождение Александра, притом довольно интригующие. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, прислало в Академию текст оды и деньги с просьбой «столько экземпляров, сколько за десять рублей можно, напечатать».⁸ Случай сам по себе уникальный, ибо документы свидетельствуют, что при анонимности издания канцелярии Академии или фактору типографии всегда был известен автор, по крайней мере издатель, оплачивавший расходы.

30 декабря 1777 г. канцелярия Академии наук дала соответствующее распоряжение фактору. Из архивной записи удалось определить даже первую строку оды: «Какие животворны звуки». Но стихотворения с таким началом не значилось в каталогах крупнейших книгохранилищ — ГПБ, БАН, ГБЛ. Только после выхода в свет 2-го тома «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» стало ясным: единственный зарегистрированный экземпляр оды хранится в библиотеке МГУ (см. аннотацию к № 4878).

Попытка выписать это издание по межбиблиотечному абонементу, предпринятая через БАН, оказалась неудачной, но к неожиданному результату привел просмотр изданий XVIII в. В самой БАН оказался второй экземпляр разыскиваемой оды, входящий в конволют, по каким-то причинам составителями «Сводного каталога» не учтенный.⁹ Это совершенно очевидно еще и потому, что на экземпляре «Изображения Фелицы» дарственная надпись Державина Н. А. Молчанову, составителю конволюта, а по данным «Сводного каталога», автограф поэта имеется только на аналогичном экземпляре ГБЛ (см. аннотацию к № 1773).

Полное название издания — «Ода на всерадостное рождение е. и. в. великого князя Александра Павловича. Сочинена 1777 года в декабре месяце. В Санктпетербурге при Имп. Академии наук». На титульном листе автограф владельца экземпляра Николая Молчанова.

Авторство Державина проясняет вопрос о причине анонимности издания. С августа 1777 г. поэт служил в Сенате, генерал-прокурор которого, князь А. А. Вяземский, по словам Державина, «не любил стихотворства», да и вообще писателей «почитал неспособными и ленивыми заниматься своею должностью», т. е. службой (Гр., III, 602).

Спустя три года Державин написал в стихотворении «На Новый год»:

⁸ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 619, л. 81.

⁹ БАН, Отдел редкой книги, № 431/9.

От должности в часы свободны
Пою моих я радость дней —

(Гр., I, 119)

и, будучи уже автором знаменитой «Фелицы», в 1783 г. вновь подчеркнул:

Когда от бремя дел случится,
И мне свободный час иметь,
Я праздности оставлю узы,

· · · · ·
Тогда ко мне придут музы.

(Гр., I, 155—156)

Строки эти неоднократно привлекали внимание критиков и литературоведов — от Белинского до наших современников — и служили поводом для заключений о пренебрежении Державина к поэзии, о недооценке им роли поэта и т. п.

С другой стороны, Н. А. Добролюбов, обративший внимание на анонимность ранних державинских публикаций, решил, что поэт предоставлял читателям «узнавать ех ungue leonem» («льва по когтям»)¹⁰

Но причина была гораздо более прозаичной. В примечаниях к цитированным строкам стихотворения «На Новый год» Державин указал: «Сим выражением автор оправдывает себя пред начальником своим, князем Вяземским, давая знать, что стихотворством занимается в свободные часы от должности» (Гр., III, 616). В примечании к «Благодарности Фелице» — еще яснее: «Мысль сия относится к тому, что кн. Вяземский не любил стихотворства и весьма на тех нападал, кто в оном упражнялся, а особливо на авторов, говоря: что когда им заниматься делами, когда у них рифмы на уме; и вообще он думал, что стихотворцы неспособны к делам» (Гр., III, 602).

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с оправданием чиновника перед грозным генерал-прокурором, или иначе — с отношением к поэзии князя А. А. Вяземского, но отнюдь не самого Державина. Если же должен был оправдываться автор «Фелицы», — и это, как известно, не помогло ему, — то автору оды 1777 г. пришлось скрывать свое имя даже от канцелярии Академии наук и от типографии.

Свидетельства Державина и Бакмейстера, тщательно засекреченная анонимность издания, соотносящаяся с определенными обстоятельствами биографии поэта, — все внешние факты подводят к заключению, что ода, открывающаяся стихом «Какие животворны звуки», принадлежит именно Державину. С еще большей определенностью об этом говорит анализ содержания оды, ее образной системы и рифмовки. В 19—23-й строфах заключен мотив, который в развернутом виде ляжет в основу

¹⁰ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в шести томах, т. 1. [М.], 1934, с. 40.

сюжета «Стихов на рождение в Севере». Однако в связи с проблемой атрибуции особенно существенными представляются три обстоятельства.

1. Рассматриваемая ода содержит огромное количество ломоносовских «штампов», реминисценций и прямых заимствований из од Ломоносова.¹¹

Открывается ода распространенным вариантом вопросительного зачина: ср. у Ломоносова с. 82, 201, 394 и мн. др.; а также у Тредиаковского начало гданьской оды. Стихи 5—7 первой строфы «александровской оды» ср.: Ломоносов, с. 18; еще ближе — 3—6 стихи гданьской оды Тредиаковского (оба предшественника Державина в свою очередь обращались к Буало).

Вторая строфа оды начинается с двух традиционных образов. Первый из них —

Веселый исполин, главою
Коснувшись облакам, шумит —

близок к стихам Ломоносова:

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный Исполин.

(с. 91)

Следующий далее образ

Звучащая своей трубою
Российска слава говорит —

один из самых характерных для русской одической поэзии образов-формул (впервые — у Тредиаковского в гданьской оде; у Ломоносова — с. 83, 202, 557, особенно 559 и др.; в разных вариантах встречается в большинстве од 1777 г., посвященных Александру).

В строфе 7 пророчество:

Грядут к нам мужеством Самсоны,
Умом премудры Соломоны,
Давыды кроткою душой —

интонационно и стилистически воспроизводит известное пророчество ломоносовской оды 1747 г.:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов... —

(с. 206)

---

¹¹ Для краткости далее указываю страницы по изд.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М.—Л., 1959.

тогда как круг имен собственных — эпонимов моральных качеств — тот же, что в оде Ломоносова Петру III:

Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают.

(с. 759)

«Портрет» персонифицированной России в 10-й строфе сходен с аналогичной конструкцией в ломоносовской оде 1748 г. (с. 221—222).

Ср. еще:

Какое предлежит сомненью
Носить тебе его венец?
Отколь твое происхожденье?
Кто мать тебе и кто отец?

Кто ты? Минерва иль Диана?
Кто мать тебе и кто отец?
Богиней в свете быть избрана,
Достойная носить венец!

(с. 744)

Где взглянет — тут цветы
пестреют...

Вокруг тебя цветы пестреют...

(с. 196)

Ефир, земля и понт смеется... Гласит ефир, земля и воды...

(с. 139)

Число примеров можно значительно увеличить.

2. Атрибутируемая ода отличается от всех других «александровских» од 1777 г. живописностью, картинностью и особенно обилием цветowych эпитетов, красок и «ювелирных материалов» (выражение А. А. Морозова¹²). Оды М. Хераскова, В. Майкова, Ф. Козельского, Н. Леонтьева, Н. Перепечина, П. Терликова, М. Гумилевского и др., посвященные рождению Александра, почти совершенно «бесцветны» в буквальном смысле слова (т. е. лишены каких бы то ни было красок).

Единичные внешне цветowe эпитеты у В. Петрова:

Из врат лазоревого неба,
Куда не всходят кони Феба...
Но в честь кому древа зелены
И лавр и пальмы стали в ряд...—

лишь подчеркивают общую бескрасочность и отсутствие элементарного навыка у поэтов эпохи в использовании цвета, полный автоматизм в применении готовых формул («древа зелены и (!!!) лавр и пальмы»).

На этом фоне атрибутируемая ода представляет единственное исключение. Особенно показательны в данном отношении строфы 5, 8—9, конец 27-й—28-я; но отдельные «краски» и «картины» рассыпаны по всей оде.

¹² См.: Ломоносов М. В. Избр. произв. М.—Л., 1965, с. 36.

По аллегорическому характеру условных «пейзажей» и «портрета», по спектру красок и отбору «ювелирных материалов» названные строфы как будто традиционны. Дело, однако, заключается в том, что такого обилия красок в одном произведении нет вообще ни у самого Ломоносова,¹³ ни у его современников (кроме, может быть, И. Голеневского) и последователей.

3. От всех других «александровских» од анонимная ода «Какие животворны звуки» отличается в отношении рифмовки: здесь десять пар неточных рифм. Усечения в их типологической функции сигнала высокого жанра, «штиля» (*рожденный—все-ленны, языки—великий*) совмещаются с ассонансами, употребляемыми в том же значении (*хлебороден—способен, вертоград—смарagd, безбедных—черных, гром—холм, свирепство—бедство, ентарьной—коральной*), усеченным ассонансом (*пространны—лучезарный*), различными дублетными точными и вольными рифмами (например, *душой—драгой, душой—мой, венцем—лицем, едем—днем, луг—дух, тех—бег, дух—внук* и др.).¹⁴ Из точных рифм следует отметить редкую для стихов XVIII в. рифму *Александра—Саламандра*, которая вновь возникнет в стихах Державина 1800-х годов.

Таковы три главные особенности образной системы и «содержательной формы», которые представляются наиболее важными при атрибуции произведения.

Если вспомнить указание Державина, что его ода 1777 г. была сочинена «в Ломоносовском вкусе» и что живописность, картинность, особенно красочность, с одной стороны, и неточная рифмовка, с другой, являются своего рода «особыми приметам» державинского художественного метода и стиха, — придется признать, что и с точки зрения «содержательной формы» рассматриваемую анонимную оду 1777 г. мог написать только Державин.

---

¹³ С ломоносовским переводом оды Фенелона и стихами из рукописи «Риторики» 1744 г., где «краски» и «драгоценности» даны наиболее обильно, Державин знаком не был.

¹⁴ Об особенностях рифмовки XVIII в. вообще и Державина в частности подробнее см.: Западов В. А. Г. Р. Державин и русская рифма XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969, с. 54—91.